12+

Антон Каптелов

ПРИНЦЕССА БЕЛОГО ШАТРА

Антон Каптелов

Принцесса белого шатра

«Издательские решения»

Каптелов А.

Принцесса белого шатра / А. Каптелов — «Издательские решения»,

В сборник «Принцесса белого шатра» вошли пять рассказов и небольшая сказочная повесть.Деревенский мальчик идёт гулять по зимнему лесу, а возвращается с неожиданной находкой. Девочка заражает улыбкой целый город. Мастер теряет себя в погоне за богатством — и находит заново. А на необитаемом острове артисты Пьеро и Коломбина ждут гостя с весьма опасным подарком.Читайте сами или вместе с ребёнком — о доброте, щедрости и умении находить удивительное в простых вещах.

© Каптелов А.
© Издательские решения

Содержание

Принцесса белого шатра 6
Девочка, которую знал весь город 10
Иван-мастер 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Принцесса белого шатра

Антон Каптелов

Посвящается моей бабушке, Тамаре Петровне Каптеловой, которая научила меня читать и писать задолго до школы

© Антон Каптелов, 2026

ISBN 978-5-0071-5461-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Принцесса белого шатра
(рассказ)

«Дзынь!» — стеклянная фигурка маленькой балерины упала на пол и разлетелась на тысячи осколков. Пашка зажмурился — с кухни уже приближались торопливые шаги.

— Ну, что разбил на этот раз? — спросила мама, входя в комнату.

Она посмотрела на качающуюся ветку душистой елки, перевела взгляд вниз. Там, у самых носков Пашкиных тапочек лежала головка разбившейся танцовщицы, в стеклянных кудряшках которой всё ещё поблескивала крошечная корона.

Мама охнула, покачала головой укоризненно и подошла к притихшему сыну:

— Моя любимая игрушка! Мне её ещё моя мама подарила — твоя бабушка.

Она развернула сына спиной к себе, и Пашка ещё пуще зажмурился, ожидая заслуженного шлепка. Но мама лишь легонько подтолкнула его в сторону двери:

Иди-ка лучше на улицу, там побегай.

Пашка нырнул в валенки, натянул свою пушистую шубу, водрузил на голову лопоухую шапку и вышел на крыльцо.

Мороз тут же куснул его за нос, да с такой силой, что глаза наполнились слезами. Щёки мгновенно покраснели, разрумянились, губы защипало холодком. Пашка поёжился, обернулся на дверь — не вернуться ли? — но махнул рукой, дёрнул себя за нос, растёр ладошками щёки и вприпрыжку спустился по скрипучим ступеням.

Под крыльцом зашабуршилось, заскулило. На снег из своего тёплого укрытия выбрался Жулька. Он подбежал к маленькому хозяину, и встряхнувшись сперва, возложил передние лапы на пашкины плечи, заелозил горячим языком по мальчишечьему лицу. Пашка рассмеялся, отскочил в сторону. Жулька, обрадованный возможностью размяться, заскакал вокруг, залился весёлым лаем.

Пашка наклонился, подхватил пятернёй горсть колючего снега, кинул рассыпчатый комок в морду собаки. Жулька обиженно фыркнул, остановился и прерывисто зачихал, встряхивая большими ушами.

У соседей во дворе одиноко кукарекнул простывший, и от того сиплый, петух. Мимо прошагала тётка Клавдия, прижимая к груди мягкую буханку белого хлеба. Пашка сделал несколько шагов ей вслед, думая догнать и справиться о здоровье Мишани — своего прихворнувшего друга и сына тётки Клавдии. Но женщина шла слишком быстро, а открывать рот на таком морозе, чтобы окликнуть, не хотелось.

Становилось скучно. Друзей, кроме Мишани, у Пашки не было — все пашкины ровесники разъехались с родителями ещё несколько лет назад — кто в город, кто в ближайшее, более богатое село. Можно было бы крикнуть Жульку и побродить в его компании по опустевшим дворам, но делалось это уже не раз и Пашка знал, что ничего нового и интересного из этого не набродишь.

Оставался ещё лес — всегда таинственный, всегда обещающий неизведанное. Правда, когда Пашка выходил из дома, мать крикнула ему, чтобы он не намыливался далеко, но что такое родительский запрет для семилетнего паренька? Услышал строгий материнский наказ — да тут же, как ступил за порог, и забыл.

Лес отделяло от деревни колхозное поле. Всю ночь с неба падали крупные снежные хлопья, и теперь оно походило на огромный белый лист бумаги. Пашка ступил на него с тропинки, оставив первое двоеточие следов.

В валенки тут же набрался снег, плотно набился вокруг ног. Но Пашка не обратил на это внимание. Он усердно вышагивал, путаясь в полах шубы, проваливаясь по колени в хрустящий наст. Цепочка двоеточий всё росла, удлинялась, пока не пересекла наконец весь «лист».

Лес встретил мальчонку торжественной тишиной. Будто бы снег спрятал под собою все звуки. Он лежал везде — под каждым деревом, под каждым кустом. Он облеплял каждую веточку, и казалось, что какой-то непревзойдённый мастер вылепил из снега весь лес.

«Как во дворце у Снежной Королевы», — вспомнил Пашка сказку, рассказанную мамой в один из зимних вечеров. Заснеженные пни были похожи на замёрзшие троны, деревья — на белые колонны, а облака высоко над головой — на причудливую роспись дворцовых потолков.

Взгляд Пашки остановился на небольшой, всего в два его роста, ёлочке. Закутанная, как и всё вокруг, в пушистое покрывало, она напоминала снежный шатёр. Снег усыпал её так плотно, что нельзя было разглядеть ни одной иголочки. Такую красотищу не часто увидишь, разве что на новогодних открытках.

Пашка прохрустел по сугробам к ёлке. Ему вдруг стало непреодолимо интересно узнать, что у неё там, под покровом, у самого ствола. Он подышал на озябшие ладони и осторожно погрузил их внутрь «шатра». Тонкая корочка смёрзшегося снега поддалась, под ней оказался ещё один слой снега, гораздо мягче. Мальчик дёрнул ладонями, вытащил руки и заглянул в образовавшуюся прореху.

Из тёплого полумрака «шатра» на Пашку взглянули два больших круглых глаза. Взглянули удивлённо и даже немного сердито.

Пашка вздрогнул, отпрянул, но пригляделся и улыбнулся. Это была всего лишь маленькая сова. Видимо, ночью она спряталась от снегопада среди густых веток, а потом, когда ёлку засыпало снегом, уже не смогла или даже не захотела выбраться из своего укрытия.

Морозы в эту зиму стояли крепкие, третьи сутки без оттепели, и сова, не успевшая толком поохотиться, порядком отощала и обессилела — потому и не пыталась упорхнуть прочь, а лишь настороженно косилась на непрошеного гостя.

Пашка залюбовался строгой птицей, её мантией из перьев, её завораживающим, брошенным через плечо, царственным взглядом. Он вдруг подумал, что хорошо бы отнести совушку домой. Там бы она отогрелась, поела бы маминых котлеток, переждала бы зиму. Да и

мама наверняка смягчится при виде такой красавицы, и простит его за разбитую новогоднюю игрушку.

— Иди сюда, маленькая, — позвал Пашка, протянув птице раскрасневшиеся ладони. Сова только хлопала своими глазищами. — Иди, не бойся!

Сова посмотрела прямо в глаза мальчику, будто проверяя, можно ли ему доверять. Моргнула ещё раз, и снизошла — придвинулась чуть-чуть, перебирая по ветке цепкими лапками.

Пашка осторожно обхватил совушку обеими руками, аккуратно вынул из её заснеженного шатра. Шуба его уже была расстёгнута, и он посадил подрагивающую от холода «принцессу» себе за пазуху.

Когда он застёгивался, птица открыла клюв и коротко клокотнула. Пашке почудилось, будто сова благодарит его за спасение.

Всю дорогу домой Пашка представлял, как обрадуется мама редкой гостье, как ахнет, увидев сову, как заохает, осматривая её (не сломано ли крылышко? нет ли царапинки в глубине мантии из перьев?), как захлопочет на кухне, разыскивая еду для нежданной красавицы. И забудет наконец про разбитую балеринку в малюсенькой, едва заметной короне.

Небо уже темнело — вечер зимой наступает очень быстро. Снова пошёл снег. Он падал на поле и засыпал следы возвращающегося домой мальчика, очищая белый лист от теперь уже дважды перечеркнувших его рядов следов-двоеточий.

Девочка, которую знал весь город
(рассказ)

Лето выдалось долгое и изнуряюще скучное, как урок чистописания в жаркий полдень. Каждое утро начиналось одинаково: мама, наскоро причёсывая Катю перед зеркалом, повторяла один и тот же список — не открывать дверь чужим, обедать не забыть, из двора носа не казать, — целовала в макушку и уезжала на работу. Следом, шаркая сандалиями, уходил папа. И оставалась Катюша одна на весь длинный, будто резиновый, день.

Братика или сестрёнку ей так и не подарили, сколько она ни просила — обещали то на будущий год, то ещё когда-нибудь, и Катя давно перестала верить в это «когда-нибудь». Все ровесники со двора разъехались кто куда: кто в лагерь на смену, кто к бабушке в деревню. Катя бы тоже навестила бабушку, да жила она далеко, в другом государстве, и ездили они к ней нечасто — билеты дорогие, да и мама говорила, что путь неблизкий для такой егозы, как Катя. А лагерям мама не доверяла вовсе — там вожатые невнимательные и кормят там неизвестно чем. Вот и осталась Катюша куковать всё лето одна в городе, слоняясь по двору из конца в конец, да пиная носком сандалии пыльные камешки.

Дворовая площадка была небогатой: качели с ржавой цепью, певшей на ветру скрипучим голосом, песочница с окаменевшим от жары песком и ракета с приваренной к боку лесенкой — железная, выкрашенная когда-то в голубой и красный, а теперь облупившаяся почти до ржавчины. Катя знала на этой ракете каждую перекладину, каждый раскалившийся на солнце поручень, каждую царапину на боку, где какой-то «Андрюша» давным-давно нацарапал гвоздём своё имя.

С верхушки ракеты был виден весь двор — от дома до дома, от арки до мусорных баков. Там Катя и коротала самые скучные часы, болтая ногами и разглядывая редких прохожих.

В один из таких скучных дней, сидя на самой верхушке своей ракеты, Катя увидела, как через двор идёт тётя Наташа — мамина подруга, весёлая, звонкая хохотушка, всегда пахнущая особо вкусными запахами. Катя её любила — и за эти запахи, и за смех, и за то, что тётя Наташа никогда не говорила с ней сюсюкающим голосом, а общалась как со взрослой подругой — почти так же, как с мамой.

Сердце у Кати радостно ёкнуло. Она мигом слезла с ракеты, ободрав коленку о горячий металл, и, раскинув руки для объятий, бросилась навстречу:

— Здравствуйте!

И только оказавшись в объятиях, поняла — ошиблась. Это была совсем не тётя Наташа, а какая-то другая тётя. И роста другого, и в другом платье, и с незнакомой сумкой на плече. Катя даже удивилась себе — ну как можно было так сильно ошибиться?!

Женщина удивлённо смотрел на раскрасневшуюся девочку сверху вниз и улыбалась:

— Ты, кажется, обозналась?

Катя вспыхнула до самых ушей, отпустила чужой подол, и пробормотала только:

— Нет… это я так… просто так.

Ей было так стыдно, что она убежала от изумлённой женщины и спряталась в кустах сирени, растущей у забора. От стыда колючая тень её не спрятала, зато с глаз незнакомки удалось скрыться.

А та ещё мгновение постояла, пожала плечами и пошла своей дорогой.

Катя просидела в кустах до самого маминого возвращения, ковыряя землю прутиком и обещая себе никогда-никогда больше ни к кому первой не подходить.

Весь вечер стыд не отпускал её. За ужином кусок не лез в горло, а перед сном, ворочаясь на липкой от жары простыне, она снова и снова видела перед собой удивлённое лицо чужой тётеньки. Обозналась! Обняла незнакомого человека! Катя зажмуривалась, натягивала одеяло на голову, но лицо женщины всё равно всплывало перед глазами — удивлённое, но… Катя вдруг замерла под одеялом. Ведь женщина не рассердилась. Не отругала, не оттолкнула. Она улыбнулась! Удивлённо — но улыбнулась.

Наутро, вспоминая вчерашнее, Катя снова покраснела. Но, странное дело, вместе со стыдом в груди защекотало совсем другое чувство. Ей вдруг подумалось: как же просто оказалось заставить чужого, совсем незнакомого человека улыбнуться. Одно слово — и хмурое лицо тётеньки, спешившей куда-то по своим делам, вдруг просветлело. Разве это не чудо, что можно так легко подарить кому-то улыбку?

Во дворе Катя не пошла на детскую площадку, к излюбленной ракете, а на улицу.

— Здравствуйте! — робко сказала она седому, совсем незнакомому дедушке, ковылявшему мимо неё с длинным батоном под мышкой.

Дедушка вздрогнул, будто очнулся от каких-то своих дедушкиных дум, взглянул на девочку поверх очков — и вдруг заулыбался, машинально кивнул, пробормотал «здравствуй-здравствуй» и пошёл себе дальше, но уже веселее, чем раньше.

— Здравствуйте! — уже смелее сказала Катя двум серьёзным дяденькам в костюмах, которые шли быстро-быстро и что-то важное обсуждали на ходу, размахивая руками.

Дяденьки не остановились — дела-то ведь не ждут, — но замолчали на полуслове, удивлённо переглянулись, кто-то из них хмыкнул, поздоровался в ответ и даже, кажется, забыл на секунду, о чём таком важном спорил.

Так у Катюши появилось новое увлечение на всё оставшееся лето — здороваться со всеми подряд. Она здоровалась со знакомыми и с незнакомыми, со взрослыми и с ровесниками, с тётеньками в цветастых платьях и с дяденьками в строгих костюмах, с продавщицей из ларька и с дворником дядей Толей, который вечно гонял мальчишек с газона.

Не все отвечали ей тем же. Кто-то хмурился, кто-то вовсе не замечал маленькую девочку, а один встрёпанный дядька в спортивном костюме однажды рявкнул в её сторону такое незнакомое слово, что Катя опешила и весь остаток дня гадала, что бы оно значило. Но таких было мало. Куда чаще люди останавливались, здоровались в ответ, а некоторые — самые занятые, самые хмурые с виду — вдруг расцветали такой неожиданной, будто позабытой улыбкой, что Кате хотелось прыгать от радости.

Ей нравилось не то, что её замечали. Ей нравилось, что где-то там, за поворотом, ещё долго после встречи с ней продолжала жить чья-то улыбка.

Слух про странную девочку, которая здоровается со всеми без разбора, быстро разошёлся сначала по соседним домам, потом по соседним улицам, а там и по всему району. Катю стали узнавать даже те, с кем она никогда прежде не здоровалась. Завидев её издалека, люди сами первыми кричали «Здравствуй, Катюша!», опережая её на полшага, и Кате оставалось только смеяться да махать в ответ.

А однажды — уже в самом конце августа, когда воздух пах близкой осенью и подсыхающими листьями, — возле их дома остановился белый фургон с крупной надписью «ТЕЛЕВИДЕНИЕ» на боку. Из него вышли дяденька с большой чёрной камерой на плече и тётенька с микрофоном, похожим на пушистую серую гусеницу. Они о чём-то коротко поговорили с мамой, стоявшей у подъезда. Мама покивала, и тётенька с микрофоном подошла к самой Кате, которая от смущения и неожиданности вдруг забыла все слова на свете.

— Как тебя зовут? — спросила тётенька, ласково улыбаясь.

— Катя, — едва слышно ответила девочка.

— Это ты любишь здороваться со всеми?

— Здравствуйте! — сказала Катя вместо ответа, и тётенька с микрофоном заулыбалась ещё шире. Заулыбался и дяденька с камерой, но тут же снова стал серьёзным — работа есть работа.

— А если бы ты могла прямо сейчас, в этот микрофон, обратиться ко всем жителями нашего города — что бы ты им сказала?

Катя посмотрела в чёрный, немигающий глаз камеры. Там, за этим маленьким стеклянным глазком, ей вдруг представился весь город разом — тысячи окон, тысячи балконов, тысячи людей за ужином у своих телевизоров…

Катя улыбнулась — широко, во весь рот, показывая телезрителям дырку от выпавшего зуба, и сказала:

— Здравствуйте!..

Иван-мастер
(сказка)

Жил в деревеньке одной Иван — мастер на все руки. Не было в той деревне дома, куда не приложил бы он талант свой, да умение. Где-то самовар стоит, им залатанный, где-то забор им подправлен, у кого-то конь сбруею ивановскою красуется, а у кого и прялка резными узорами изукрашена. Ребятне мастерил свистульки да деревянных коньков на палочке. Но особо любил Иван картины из дерева вырезать, да узоры на наличники делать. И так душевно у него это выходило, что посмотришь, бывало, на его расписных петушков, на подсолнухи, из старого полена выструганные, да на подоконные завитушки затейливые — всё внутри оживает и радость по телу песнею струиться начинает. За то и любили Ивана в деревне — от рукоделий его теплом веяло.

Изба самого Ивана была тоже расписной, затейливой, но маленькой. И стояла она с самого краю села. Небогатое житье у мастера. Кроме пёстрой курочки да собаки-пустолайки и животинки во дворе нет. Зато было у Ивана одно сокровище, которое ни за какие деньги не купишь и полмира обойди — не найдёшь: молодая женушка-красавица, которую Машенькой звали.

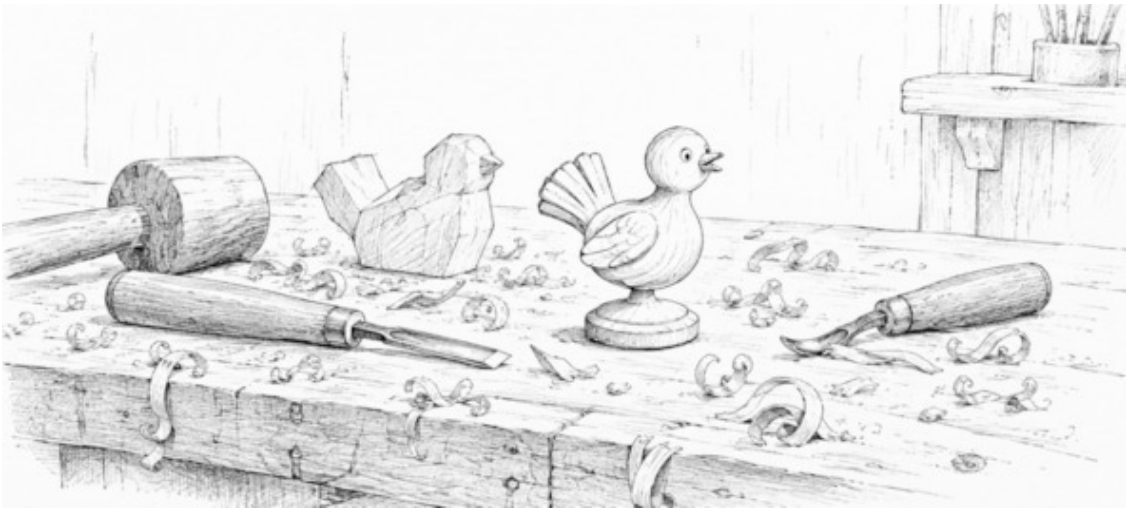
С утра до ночи стряпает Машенька, горницу убирает. А по вечерам, когда работа переделана, выходили они с Иваном на крылечко — он с ножом да чуркою в руках, она — с прялкой. И сидели они на крылечке, покуда солнце за лес не скатится, а звёзды не высыпят на небо, будто просыпанная горсть зерна.

Не мог налюбоваться на жену Иван. Бывало, возьмёт её за руку, усадит рядом с собой: «Отдохни, хозяюшка, посиди со мной. Смотрю на тебя и завитушки мои ещё хитрее выходят, картинки живее получаются». И вправду, что ни вечер такой, то наутро новый узор рождался, да такой, что во всей округе равного не сыскать.

Прослышал как-то раз о мастерстве Ивана богатый человек из большого города — грузный, в шубе бобровой, при часах на цепочке. Приехал в деревню, осмотрел труд иванов и заказал ему оправу для зеркала сладить. Большие деньги обещал, если в срок справится. Взялся рукоделец за работу, режет по дереву, старается. «Заплатит богач деньги, съезжу на ярмарку, куплю Машеньке ситца-парчу, а себе инструмент новый», — так думает. И справился в срок, оправу для зеркала сладил.

Доволен остался городской человек и с наградой не обманул. Да с той поры так и повадился к Ивану: то старинные часы настроить привезёт, то ларь расписать закажет, то по осени за резными санями явится. Приезжает, а сам всё Ваньку уму-разуму учит: «Дурачина ты, хоть и мастер. Руки золотые, а босяком ходишь, хуже всех в деревне живёшь».

Поначалу Иван только отмахивался: мне, мол, и так хорошо, жена да ремесло — чем не богатство? Но слово к слову, визит к визиту — и однажды сел он на завалинку и призадумался крепко: «А ведь и правда: изба кривобока, забор шатается, из живности всего-то, что пёс да курица».

И после думы той стал Иван до денег жадный. Раньше, бывало, месяц мог за каравай хлеба брату-бедняку сбрую справит, а нонче совсем другой разговор: за каждый час работы — золотой, а то и два. Пришла как-то к нему вдова Аграфена — калитку починить просит, весной покосилась совсем. Протянула яйца да моток пряжи в оплату, как встарь повелось. А Ванька только рукой махнул: «Не за пряжу теперь работаю, тётка. Неси серебро — тогда и погляжу». Ушла вдова, несолоно хлебавши, да и не она одна. Перестали к Ивану односельчане приходить — невмочь такие суммы оплачивать, да и грустно смотреть им на мастера-скрягу.

Но Ванька без работы не сидел: стали к нему из города люди приезжать, друзья да знакомые того богача. Заказов много, Ванька доволен. Да вот только горожанам красоты не надоть, им крепость подавай. И стал мастер обычным столяром: лопаты на древки насаживает, топоры зачищает, а о картинах и завитках своих и думать забыл. Главное — деньги рекой текут, а уж он-то им место нашёл: кожаный мешочек, что в сундуке кованном хранил. Растёт мешок не по дням, а по часам, скоро и в сундук не поместится. Радуется Ванька. И не замечает того, что Машенька печалится, да добрые соседи смотреть на него не хотят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.